Виолетта СКЛЯР

Взгляд на Одессу с близкого расстояния

Одесская действительность взломала традиции московского литературного журнала "Октябрь" — и появилась книжечка седьмого в этом году номера с силуэтом Дюка и подзаголовком "Литература одного города". Впервые в истории "толстых" российских журналов появился выпуск, посвященный конкретному городу, да еще и не находящемуся в России. Роль неумолимой действительности исполнила поэтесса и прозаик Ольга Ильницкая, в 1982 году впервые переступившая порог редакции журнала "Октябрь", за все годы своего существования сделавшего только четыре публикации одесских писателей, в основном относящихся к двадцатым годам. Ольга мечтала увидеть свои стихи опубликованными в этом журнале (мечта, кстати, до сих пор не сбылась), но еще в большей степени ей, одесситке, обосновавшейся в Москве, хотелось предоставить возможность широко заявить о себе своим землякам, большинство из которых так и не оторвались от родных корней.

В номер вошли прозаические произведения Ильницкой: подборка миниатюрных рассказов-эссе "Прогулка вдоль обморока", созданных действительно на грани потери сознания, когда "дихотомия жизни и смерти отпускает" и многое видится по-особому. Нельзя назвать эти рассказы "одесскими", ведь местом действия Одесса не является, но составители номера и не стремились придирчиво следить за тем, чтобы герои произведений обретались исключительно на углу Дерибасовской и Ришельевской. Предисловие редакции комментирует этот факт: "Но есть эта общая точка приложения вдохновений — Город, где как бы замкнута дуга высокого вселенского напряжения. Так что, если действие иного рассказа или стихотворения и происходит не в Одессе... оно все равно происходит в Одессе!".

Необходимо все же сделать некоторые пояснения относительно предыстории появления одесского номера. В 2004 году журнал "Октябрь" совместно с одесской фирмой "Укрферри" осуществил проект под названием "Шелковый путь поэзии". Тогда в Одессу из Москвы приехали литераторы, провели мастер-класс с молодыми одесскими поэтами и прозаиками, а затем все вместе отправились в Грузию, где также прошли большие вечера поэзии. Побывав в нашем городе, редактор журнала "Октябрь" Ирина Барметова заинтересовалась "литературной столицей", и настолько, что даже решила в 2005 году специальный номер посвятить актуальной литературе одного города.

В процессе сбора материалов стало ясно: всю обычную структуру и даже верстку журнала придется изменить. Проза легко и свободно чередуется со стихами, а также с эссе "из литературного наследия" (а куда же без них?), и все это на удивление легко читается. Восемнадцать поэтов и тридцать эссеистов и прозаиков — неужели так много? И все настолько интересны? Вот именно. Лицом к лицу лица не увидать. Впрочем, идеей редколлегии как раз и было создать номер, представляющий собой взгляд на Одессу с близкого расстояния, но не без выхода в межзвездные пространства. Украшающий последнюю страницу снимок Одессы, сделанный из космоса, перекликается с названием знаменитой киносаги Стэнли Кубрика "Космическая Одиссея — 2001", и не случайно рядом расположены портреты Дерибаса, Ришелье и Воронцова (к теме Одиссеи и Одиссея мы еще вернемся)...

Одесская мэрия финансировала издание и выход тысячи номеров "Октября" для одесситов. Презентация одесского номера, состоявшаяся в День города, 2 сентября, в Золотом зале Литературного музея, превратилась в устный выпуск журнала, где успела выступить едва ли треть авторов. За рамками презентационных выступлений, естественно, осталось много интересного. Но могло ли быть иначе? Иные "докладчики" вполне могли бы прочесть длинную, хотя и, безусловно, увлекательную лекцию, выходящую за временные рамки презентации.

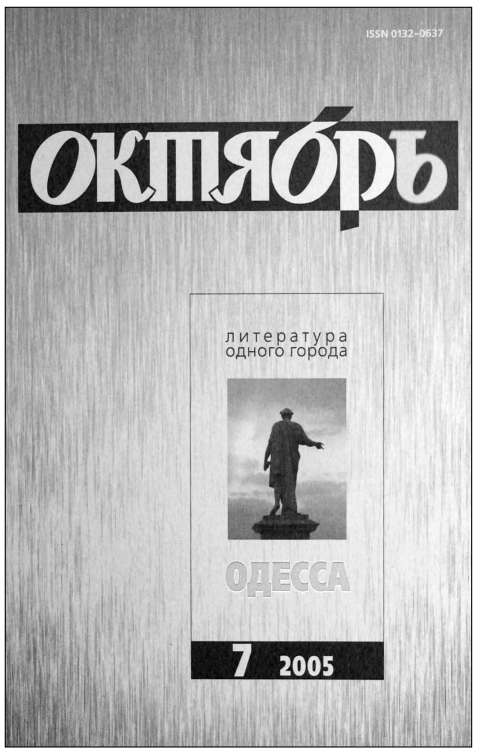
На самом деле между Одессой и гомеровской "Одиссеей" (оставим пока в покое Стэнли Кубрика) существует весьма правдоподобная связь, которой и посвящен очерк доктора исторических наук Андрея Добролюбского "Одиссея" Иосифа де-Рибаса", в котором убедительно прослеживается путь выходца из Неаполя, одного из фаворитов Екатерины Великой, к основанию города, где каждому будет хорошо. В хорошо оснащенном доказательствами материале убедительно рассказана история хитроумного Одиссея, сумевшего увековечить свое имя, придав ему женский род в честь любимой богини-государыни. Вот и говорите после этого, будто миром правят деньги, а не чувства!

В каждом одессите есть что-то от Одиссея, странника и хитреца. Даже в том, кто нашел в себе силы не становиться москвичом, петербуржцем или ньюйоркцем (кстати процитировать одно из изречений Валерия Хаита, приведенное в журнале: "Киевлянин — это одессит, не доехавший до Москвы"). Прославленный московский театральный режиссер Михаил Левитин в своем эссе "Я — одессит" заявляет: "Я родился в Одессе абсолютно всем, что я есть. Я ничего нигде не приобрел, нигде. Ничто меня не изменило. В этом смысле я самый консервативный из одесситов. Меня ничто не изменило, и я не знаю, что нового прибавилось в моей жизни. Одесса, она одна со мной". Чуть выше он говорит о том, что в Одессе волшебно только детство, а с годами каждый родившийся здесь начинает видеть в ней всего лишь провинцию, пусть и любимую. Что на это ответишь, когда уже сказано: "Да, в империи, у моря, в эмпиреях...".

Евгений Голубовский приглашает к погружению не просто в море, а в "Море Юрия Егорова", не обозначенное ни на одной карте мира. Это море, которое "осталось лишь на десятках картин, запечатлевших его знойным летом и пасмурной осенью, всегда напряженное, как струна, изогнувшееся под собственной тяжестью, плотное настолько, что лодки и корабли живут в нем своей, особой жизнью. И только бесконечная надежда, только бесконечная отмашка флажками — "Скоро отправляемся". Море, которое возникает на холстах художника с той же неотвратимой периодичностью, что и новые побеги у дерева. Море, которое всегда с нами.

Увы, кое-что нам уже не сыскать. "Каталог памяти", составленный Валентиной Голубовской и Феликсом Кохрихтом, проводит своеобразную ревизию утерянного современными одесситами: биндюжники на подводах, извозчики на бричках, баня Исаковича, зельтерская вода, ситро, папиросы "Дели" и "Герцеговина Флор", прозвища "жиртрест" и "шкиля-макарона", имена Адольф, Сара, Элла, Эмма, Фрида, Роза; ткани шевиот, маркизет, мадаполам, батист и сатин. "Одесскую периодическую систему" можно продолжать и дальше, остается надеяться, что авторами "Каталога памяти", историками и краеведами будут бережно сохранены все "химические элементы" любого периода жизни нашего города.

Особой радостью оказались новеллы Александра Бахраха о писателях Семене Юшкевиче и Исааке Бабеле, взятые из книги "По памяти. По записям. Литпортреты", вышедшей в Париже четверть века тому назад. Ведь еще совсем недавно (по историческим меркам десятилетие — малая величина) прозаик и драматург Юшкевич был таким же позабытым "элементом", как ныне маркизет вкупе с мадаполамом. Даже малочисленные "знатоки" его творчества не могли бегло отличить пьесу от прозаического произведения, притом, что вплоть до отъезда в 1920 году в Париж Семена Соломоновича преследовала бешеная популярность в масштабах всей России. Благодаря Бахраху возвращено еще несколько мгновений жизни Юшкевича в эмиграции, грустный финал угасания вдали от родной Одессы. Что же касается новеллы о Бабеле, то она представляет неожиданный взгляд на автора "Конармии" как на эстетски утонченного и очень западного в пристрастии к французской литературе писателя.



Эссе Алены Яворской "Ах, Александр Сердцевич..." посвящено старшему брату Ильи Ильфа, Сандро Фазини, художнику, фотографу, поэту. "В Одессе его называли кубистом, в Париже — сюрреалистом. В галерее Вавен-Распай висели рядом работы Фазини и Пикассо", — пишет Алена Яворская, дополняя эссе письмами Сандро из семейного архива Александры Ильф.

Конечно же, одесский номер не мог обойтись без произведений Михаила Жванецкого. Собственно, с них он и начинается. Его рассказы "Я забираю крик обратно", "Шестидесятникам", "Распространение марксизьма" решены, как и всегда, в разговорном ключе, без строго продуманного сюжета. Таким же образом написаны и "Эпистолярная повесть" Игоря Божко и рассказ Юрия Макарова "Это сладкое слово обида". Государственные границы проходят через души близких людей — мысль, возможно, и не новая, зато талантливо воплощаемая обоими авторами и уж никак не устаревшая.

"Откуда тихий свет и чистота?" — вопрошает поэтесса Тина Арсеньева. Ей словно вторит Юлия Петрусевичюте: "Я ищу не слова — у бормочущей сонно воды / Я ищу голоса, я ищу их живые следы". А вот прелестные строки Ефима Ярошевского:

Мне кажется: на теплых камнях города
лежит моя голова.
Она осталась здесь...
Дышит, смотрит в листву, грезит —
послевоенным летом, детством,
клекотом свежей воды из-под крана,
югом, мокрой галькой моря,
облаками над Хаджибеем,
книгами юности,
нашими надеждами, музыкой —
отшелушившейся молодостью...

Что ж, у каждого представленного в номере поэта имеется свой личный "каталог памяти". А одесскими любителями поэзии в такой каталог, увы, давно занесен поэт Юрий Михайлик, живущий в Австралии. К счастью, одесский номер дарит радость встречи с семью шедевральными стихотворениями поэта.

От одесских писателей традиционно ждут чего-то светлого, оптимистичного. Не вполне таковы минорные по тональности рассказы Олега Губаря "Невпопад" и "Вашингтон". Первые рецензенты даже сравнили эти мрачные тексты с "неосветленным соком горьких яблок жизни, без сахара и консервантов". Горькое бывает и вкусным! А печаль — необязательно светлой. Эссе того же автора "Ведь мы играем не из денег?" посвящено теме карточной игры вообще и карточным забавам Пушкина в частности (во время пребывания поэта в Одессе немало было сыграно ломберных партий с Сикаром, Ризничем и другими высокопоставленными знакомцами). Настроение читателя, растроганного до слез рассказами Губаря, повышается. Гармония во всем — вот по какому принципу выстраивался одесский номер "Октября". И чем тратить время на пересказ его содержания в газетной статье, лучше прочесть все собственными глазами. Искренне рекомендую!

На фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО: обложка журнала.
На фото Константина ИЛЬНИЦКОГО: Ирина Барметова и Евгений Голубовский представляют одесский номер; Золотой зал во время презентации был переполнен.